

К ВОПРОСУ О ПРОТИВОРЕЧИИ НРАВСТВЕННОГО СОЗНАНИЯ И ДЕВИАНТНОГО ПОВЕДЕНИЯ ПОДРОСТКА (ВИНОВАТ ЛИ ПОДРОСТОК?)

.....

Т.И. Барсукова*

Подростковый возраст – самый сложный период социализации личности. Оставаясь еще, по сути, детьми, подростки младшего и старшего подросткового возраста осваивают формы поведения и общения взрослых людей, не всегда ориентируясь при этом на лучшие образцы человеческой культуры. Наше исследование позволило выявить расхождение между представлениями подростков о качествах взрослого человека и их реальным поведением при идентификации себя с этим статусом. Отвечая на открытые вопросы анкеты, большинство учащихся к признакам взрослого человека отнесло самостоятельность в решении проблем, ответственность за свои поступки, ум, умение заработать деньги, целеустремленность, умение постоять за себя; найти верное решение, а также честность, решительность, силу воли, отвагу, достоинство, гуманность, опыт, сдержанность, умение строить личную жизнь, наличие семьи, обретение профессии, умение видеть смысл своей жизни.

Таким образом, представление о взрослом человеке ассоциируется у молодых людей, давших ответ на этот вопрос, исключительно с положительными чертами. Только единицы респондентов связывают пору взросления с такими характеристиками, как наглость, разврат и другими негативными качествами личности.

Согласно данным опроса, большинство учащихся подростков отрицательно относится к девиантным поступкам своих сверстников. Отношение респондентов к девиантному поведению одноклассников приведено в таблице.

Анализ ответов респондентов на вопрос о жизненном кредо показал, что и в них преобладают позитивные смысложизненные ценности. Мы обозначили бы его как жизненное кредо позитивного содержания и целеполагания. В целом среди вариантов ответов можно выделить несколько групп:

---

* Барсукова Татьяна Ивановна, канд. филос. наук, доцент кафедры социологии и социальной работы Северо-Кавказского государственного технического университета. E-mail: tatiana-barsukova@yandex.ru.

Отношение респондентов к девиантному поведению одноклассников, %

Формы девиации	Отношусь положительно	Отношусь отрицательно	Мне безразлично, это его дело
Отличается низкой успеваемостью	18,0	20,9	61,1
Нарушает общественную дисциплину	10,6	50,4	39,0
Употребляет спиртные напитки	12,7	35,5	51,9
Употребляет наркотики	2,0	79,4	18,6
Сквернословит	4,3	56,0	39,8
Бьет слабого	2,6	85,6	11,8
Курит	14,1	23,4	62,5

– ориентация на дружбу и любовь как общечеловеческие ценности, взаимопомощь, стремление помочь другим, в первую очередь слабым («Заводи друзей, общайся с ними на равных», «Помогай другим, и тебе помогут друзья, будь добрым к другим, помогай им в беде», «Выручай попавшего в беду», «Помоги слабому», «Помогай людям!», «Дружи со всеми, не обижай ни малых, ни старых», «Любить и быть любимым», «Что б не случилось, мы всегда вместе», «Один – за всех и все – за одного», «Умей постоять за себя и за другого», «Поступай по отношению к другим так, как ты бы хотел, чтобы поступали другие по отношению к тебе» и др.);

– целеустремленность, вера в собственные силы, стремление достичь всего своим трудом («Бороться и искать, найти и не сдаваться!», «Стремиться ко всему лучшему», «Нам подниматься первыми», «Вперед, сквозь бури и ненастья!», «Сквозь тернии – к звездам!», «Живи и учись», «Если ни во что не веришь, ничего не изменишь», «Воля и труд все перетрут», «Достигнуть всего я хотел бы сам», «Желание, стремление, умение», «Без труда не вынешь рыбку из пруда», «Все будет лучше, чем сейчас», «Кто ищет, тот всегда найдет!» и др.);

– девизы, отражающие ориентацию на общецивилизационные ценности («Защищать природу – это самая главная надобность человека», «Честность – основа жизни», «Кто к нам с мечом придет, тот от меча и погибнет» и др.).

Изложенное позволяет заключить, что в сознании подростков наблюдается приоритет позитивно ориентированных ценностей.

Итак, перед нами подросток, осуждающий девиантное поведение своих сверстников, преимущественно связывающий понятие «взрослость» с социально одобряемыми качествами, имеющий явно выраженную нравственную составляющую своего жизненного кредо. Вывод налицо: нравственное сознание молодого человека не вызывает тревоги.

Однако научные публикации о современных молодежных девиациях в России отражают явное неблагополучие в подростковой среде. Общественное мнение также склоняется к тому, чтобы считать современных подростков «потерянным поколением». Газетные рубрики, отражающие криминальные новости, со-

общают о подростковой наркомании, алкоголизме, проституции и связанных с ними преступлениях. Возникает вопрос, почему же высокий нравственный потенциал, заложенный в нашей молодежи, не реализуется в позитивные формы поведения? Думается, что можно дать следующее объяснение. Подросток – это «двухстатусный», а в силу этого, «межстатусный» индивид: уже не ребенок, но еще и не взрослый человек. Этим определяется противоречивость его нравственных ориентаций. С одной стороны, он стремится самостоятельно принимать решения, а с другой – не имеет жизненного опыта, чтобы «отделить зерна от плевел». Преодолению этой биполярности должно способствовать воспитание как управление процессом социализации, осуществляемое социальными институтами и позитивно ориентированными структурами гражданского общества. Однако в условиях нормативно-ценностного хаоса целенаправленным формированием каких-либо качеств личности в большей мере занимаются не педагоги, а различные социальные субъекты, вплоть до деклассированных элементов. И их влияние на протекание процесса социализации подростка может быть весьма значительно.

Выбор нравственных норм и жизненных ценностей для подростка затруднен еще и тем, что его социальное пространство полиморфно. Оно состоит из двух сфер – образовательной и внеобразовательной. При этом вторая сфера социального пространства включает в себя как институализированные образования (спортивные и музыкальные школы, шахматные клубы и т.п.), так и неформальные. Последние могут играть роль референтных групп, чьи нормы и ценности имеют большую значимость для подростка, чем школа и семья. Переход из образовательного пространства в сферу стихийной социализации порождает в мировоззрении подростка ложное понимание свободы как вседозволенности. Это понимание приводит индивида к первобытному состоянию, а именно к элементарному приспособлению. Общеизвестно, что в отличие от животного, которое приспосабливается к окружающей среде, индивид присваивает окружающий мир, делает его, по выражению А. Н. Леонтьева, «своим» [3, с. 54]. Именно так трактуется термин «адаптация» применительно к человеку.

Опрос показал, что унижение слабого подростки относят к наиболее осуждаемым формам девиации. Если к употреблению сверстниками наркотиков, как следует из приведенной таблицы, отрицательно относятся 79,4% респондентов, то избиение слабого осуждают 85,6% учащихся. Еще в первобытном обществе возникли первые социально-нравственные запреты на убийство соплеменников, на оставление слабого без средств существования (еды, крова, одежды). Впоследствии они оформились в нормы религиозной и светской морали, а затем в правовые нормы. Выбрав несвободу (запреты и предписания), люди обеспечили тем самым возможность выживания и сосуществования в едином человеческом общежитии. Нарушая эти поведенческие нормы в обществе, люди разрушают его. Думается, что в свете изложенной проблемы будет нелишним анализ негативных тенденций в современном социализаци-

онном процессе, которые, несомненно, проявляют себя и в отношении подростка. Российскую общественную печать последние годы сотрясает ежедневный каскад вестей о социальных нарушениях: здесь и молодежная наркомания, и детская преступность, и подростковая проституция, и ранняя алкоголизация населения. Научные публикации наполнены результатами исследований, подтверждающих эти данные. Что же происходит в России? Почему нарастает грозящая оставить страну без будущего тенденция социального варварства, о которой говорил в своем выступлении В. И. Добреньков на II Всероссийском социологическом конгрессе [1]?

Подобные вопросы ставили перед собой социологи в разные периоды истории своих стран. Наибольшую остроту они приобретали во времена социальных перемен. Социальная нестабильность российского общества обусловлена отсутствием представлений об устойчивых основаниях нашего социального бытия у большей части российского населения, а тем более подростков. К числу таких оснований не в последнюю очередь относятся социальные нормы. Они указывают человеку, как поступить, что делать и в то же время определяют границы дозволенного. Привитие человеку уважения к социальным (нравственным и правовым) нормам, признание и соблюдение их – одно из условий социального порядка.

Процесс социализации подростков в нашей стране отражает состояние социальной дезорганизации, которая порождена многими причинами экономического, политического и духовного характера. Общественное бытие, несомненно, детерминирует общественное сознание. Но в те периоды общественной истории, которые называют переломными, будь то эпохи реформ, перестроек или революций, общественное сознание пребывает зачастую в растерянности. Дух не может так быстро осмыслить новые формы социального бытия. Множество новых социальных групп со своими потребностями и интересами порождает новые формы ментальности, которые не вписываются в прежние каноны общественного сознания. В российском общественном сознании сложилась противоречивая ситуация, или, как сказали бы синергетики, «ментальный хаос». Не только старое и новое мирозерцания россиян вступили в противоборство и борются до настоящего времени, пытаясь вытеснить друг друга. Множество форм общественного сознания соперничает, не вытесняя, но и не ассимилируя друг друга.

Все это происходит в условиях отсутствия социального идеала, что, несомненно, затрудняет формирование или выбор социальными субъектами общественных норм и ценностей. В противоречие вступают нормы социалистического общежития и рыночных отношений, ценности восточной и западной культур, социальные институты и неинституализированное социальное пространство, ценности либеральной и консервативной идеологий, правовые нормы и криминальные «понятия», традиции, обычаи и модерн, религиозное и светское сознание. Все это осложнено поликонфессиональностью и полиэтничностью российского общества.

Некоторые из новообразований в российской ментальности не только обретают характер контркультурных феноменов, но и стремятся обрести общезначимый, социально признаваемый и господствующий характер. Взять, к примеру, молодежные акции за свободу употребления «легких» наркотиков или жаргон деклассированных элементов, ставший речевой нормой для многих россиян.

Даже взрослому человеку, сделавшему свой жизненный выбор, трудно ориентироваться в столь сложном наборе альтернативных «нормативных кодексов». Что же говорить о российском подростке, который проходит социализацию в условиях нормативно-ценностной неопределенности, соответствующей поливариантному нормативно-ценностному пространству. Индивид в подростковом возрасте в очень большой степени живет на уровне мировосприятия. Другими словами, в его мировоззрении эмоционально-образная компонента преобладает над логически-рассудочной. Подросток смотрит на мир сквозь призму тех ценностей, которые предлагают ему агенты социализационного процесса. Преобладание в этом процессе факторов стихийной социализации приводит к «искривлению» социального пространства в мировосприятии подростка. У него зачастую изменяется оценка поведения окружающих, появляется неверное истолкование нормальных и ненормальных отношений.

Форма поведения подростка, как правило, не соответствует его позитивным смысло-жизненным ценностям, что приводит к различным проявлениям подросткового девиантного поведения. Мотивация его различна. Для некоторых подростков такое поведение является средством выделиться среди сверстников, стать лидером, для других – проявить себя «взрослым человеком». Именно девиантное поведение, с их точки зрения, способствует «возвышению» в глазах сверстников.

Так чего же ожидать молодым россиянам? Постепенного продвижения социума к аттрактору, т. е. состоянию стабильности, неважно какой она будет, и на каких основаниях будет зиждется? Или катастрофы, необратимости девиаций, социальной деградации и распада российского общества?

Классик социологии Э. Дюркгейм связывал состояние аномии с переходом от традиционного к промышленному обществу, что породило нормативно-ценностный кризис в сознании социальных субъектов. Если применить его идею к нашему нынешнему состоянию социума, то можно предположить, что подобный кризис стал ответом на отказ от социалистических жестко регламентированных норм и переход к нормативному либерализму. Следствием этого стал нормативно-ценностный хаос.

Слабая результативность государственных социальных институтов в деле воспитания молодого поколения россиян и невыполнение большинства федеральных молодежных и детских программ из-за отсутствия финансирования и профессиональных кадров не оставляют особых надежд на достижение позитивных результатов в управлении процессом подростковой социализации. Так,

Федеральная целевая программа «Молодежь России. 1998–2000 гг.», принятая и утвержденная Правительством Российской Федерации в июне 1997 г., которая наряду с другими ставила и задачи создания условий для гражданского становления, духовно-нравственного и патриотического воспитания, повышения интеллектуального и творческого потенциала молодежи и ориентировалась на повышение этого потенциала как на конечный результат, оказалась малоэффективной в силу ряда причин, затруднивших ход ее реализации. К числу факторов, препятствующих выполнению Программы, были отнесены недостаточно разработанная законодательно-правовая база государственной молодежной политики как на федеральном, так и на региональном уровне, отсутствие устойчивой системы органов по делам молодежи в субъектах Российской Федерации, сложности в организационном, материально-техническом и кадровом обеспечении [3].

В современном обществе социализация россиян в целом и подростков в частности проходит преимущественно как стихийный процесс. Так, может, не стоит «бить в колокола», а просто подождать того времени, когда социальное бытие обретет устойчивость и станет детерминантой определенным образом ориентированного общественного сознания с набором ценностей и норм, выкристаллизовавшихся в процессе формирования нового строя (хорошо бы определиться, что мы строим...) в России?

Думается, ответ должен быть отрицательным. На II Всероссийском социологическом конгрессе одной из задач политики на современном этапе общественного развития была обозначена решительная и последовательная работа по оздоровлению нравственно-психологической атмосферы в обществе, пропаганда патриотизма, трудовой морали, коллективистских ценностей, здорового образа жизни. Было также подчеркнуто, что ее решению должны способствовать российские социологи в союзе со всеми здоровыми общественными силами.

Общественное сознание может быть действенной силой, если оно формируется целенаправленно, что возможно только в процессе воспитания. «Воспитанию присущи две функции: упорядочивание всего спектра влияний (физических, природных, социальных и др.) на личность и создание условий для ускорения социализации с целью развития личности. В соответствии с этими функциями воспитание выступает как механизм управления процессом социализации, с помощью которого предупреждаются или ослабляются ее отрицательные последствия и гармонизируется внутренний мир личности» [3, с. 24]. Но здесь возникает вопрос о субъектах воспитания. Кто сейчас в России занимается воспитанием российских граждан? Согласно социологии образования и педагогике этот процесс осуществляют институализированные структуры (социальные институты). Каким же термином обозначить то воздействие, которое реализуется другими субъектами и представляет собой целенаправленное формирование негативных личностных качеств и девиантных форм поведения подростка или подростковой группы?

В этой связи хотелось бы остановиться на предложенной А. Г. Эфендиевым концепции социализации как самореализации индивида. В ней соотношение воспитания и социализации рассматривается следующим образом. Воспитание становится «предметно самостоятельным процессом в рамках социализации, когда появляется воспитатель, который воплощает определенную идею, которая пропитывает общение с воспитуемым» [1, с. 14]. С этой позиции хорошо иллюстрируются два вида воспитания. Первый – когда субъектов воспитательного процесса (воспитуемого и воспитателя) связывает общая идея, отвергаемая или принимаемая воспитуемым, что свидетельствует о сознательном участии обеих сторон в процессе управления социализацией. Когда идея интериоризируется воспитуемым, воспитание перестает быть только управлением, оно становится еще и самоуправлением (самовоспитанием). Второй – отторжение идеи воспитуемым, при этом субъект воспитательного воздействия воспринимает его лишь в качестве объекта управления. Вывод таков: субъектами управления социализацией могут быть любые социальные субъекты (отдельные личности, группы или иные социальные общности), которые целенаправленно воплощают в реальность какую-либо идею, в соответствии с которой они желают изменить сознание и поведение объекта управления. И этот вывод, к сожалению, неутешителен, так как в условиях нормативно-ценностной неопределенности привитием норм сознания, поведения и управлением последним могут заниматься не только педагоги, но и деклассированные элементы.

В условиях нормативно-ценностного кризиса теряют свою определенность представления о нормальном и отклоняющемся поведении на уровне социального бытия индивидов. Анализ литературы по психологической и социологической девиантологии явственно свидетельствует о некоторой растерянности ученых пред обилием терминов. В качестве синонимов употребляются понятия аномии и девиации, девиации и девиантного поведения, девиации и патологии, девиантного и асоциального поведения. Это приводит к терминологической неразберихе. Как следствие возникает путаница в терминах на эпистемологическом уровне, что затрудняет анализ и интерпретацию данных социологических исследований, в том числе по проблемам наркомании, курения, проституции, сквернословия в подростковой среде.

Осознание индивидом того, что его поведение расценивается как девиантное, что оно разрушает устои общества или ведет к деградации личности, не является априорным. Оно появляется в двух случаях. Во-первых, в процессе воспитания высоконравственной личности, а во-вторых, на основе жизненного опыта. Но какой жизненный опыт – «сын ошибок трудных» – может быть у 12–16-летнего человека? Разве способен он сам, без помощи взрослых, определиться с выбором культурных образцов? Несомненно, что взрослые люди должны помочь подростку сделать правильный выбор. Эта миссия возложена на педагогов и родителей, хотя последние не всегда помогают ему в этом.

Современная семья, к сожалению, все больше и больше приобретает характер «квазисемьи», так как не выполняет присущие ей функции. Ослаблена

функция социального контроля; воспитание черт высокой морали во многих семьях заменяется на формирование конформизма, что вполне закономерно и объяснимо, а может, даже и оправданно, например, в условиях криминализации социума. По мнению некоторых ученых, в последнее время даже в области педагогики и психологии стали появляться публикации, в которых назначение воспитания видится в развитии у детей «приспособительных механизмов» [6, с. 89].

Многие подростки не ощущают себя объектами охранительной, коммуникативной и психоэмоциональной функций семьи. А ведь последняя имеет тенденцию перерасти в психотерапевтическую, когда отсутствуют устойчивые основания бытия в самом социуме, нарастают стрессовые ситуации, порожденные материальным неблагополучием, социальной незащищенностью, воинствующим хамством и т.п. Лишенный заботы и должного внимания семьи, подросток становится объектом «уличной» социализации.

Современная школа не в состоянии противостоять влиянию неинституализированного социального пространства. Обычное оправдание молодых людей своего девиантного поведения звучит примерно следующим образом: «Так делают все!». В последнее время появляются публикации, в которых отмечается, что эта тенденция нарастает: «Чем цивилизованней становится общество, тем большее место в нем занимают пороки. Например, обман считается феноменом человеческого общества. Ложь проникла во все сферы человеческой деятельности» [6, с. 90].

И если подросток стал «девиантом», то, очевидно, в этом не только его вина, а и тех субъектов социализационного воздействия, которые либо прививали ему эти «нормы» и «ценностные ориентиры», либо устранились от целенаправленного позитивно ориентированного воспитательного воздействия.

Почему же возникает феномен нравственного неблагополучия подростка? Нравственное здоровье индивида – особый вид самочувствования индивида, которое определяется знанием норм и правил поведения, моралью, привычками, эмоционально-положительным отношением к нравственным ориентирам, устойчивым внутренним убеждением в необходимости их соблюдения. Содержание нравственного здоровья включает в себя нравственное сознание, нравственные отношения и нравственные поступки. При этом моральные нормы, правила и требования выступают как его собственные взгляды, убеждения и привычные формы поведения. Так как мораль является важнейшим способом нормативной регуляции общественных отношений, то морально или нравственно здоровый человек – это тот, кто ощущает состояние душевного комфорта, чувство уверенности, защищенности в той системе отношений, в которой он задействован. Подросток, попавший в силу обстоятельств в полинормативное ценностное пространство, ощущает душевный дискомфорт и чувствует свою незащищенность и бессилие перед еще непонятным ему социумом.

Библиографический список

1. *Добреньков В.И.* Российское общество: современное состояние и перспективы (от социологии кризиса к социологии надежды) // Вестник МГУ. Сер. 18. Социология и политология. 2004. № 1.
2. *Загороднева И.В., Белова Н.А., Маркина Е.Н.* Ценности и воспитание // Нравственная культура народов России. Саранск, 2001.
3. *Леонтьев А.Н.* Проблемы развития психики. М., 1981.
4. Основы социологии / Отв. ред. д-р филос. наук. А.Г. Эфендиев. М., 1993.
5. Федеральная целевая программа «Молодежь России. 1998–2000 гг.»: Утв. Постановлением Правительства РФ № 746 от 18.06.97 // Собрание законодательства РФ. 1997. № 26. Ст. 3050
6. *Шиянов Е.Н.* Воспитание как механизм управления процессом социализации // Здоровый город – здоровые дети: Матер. регион. науч.-практ. конф. Ставрополь: Изд-во СГУ, 1999.